Куприна С. В.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НОСИТЕЛЯ ЭЛИТАРНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/55.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 130-134. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

заключается в способности к постоянному эволюционному развитию, а также в наличии либо отсутствии параметров, культивирующих в лирическом герое состояние творческого вдохновения. Согласно этим критериям, «реальный земной город» в скором времени погибнет, так как неспособен к постоянной эволюции, сдерживает духовное развитие лирического героя и его творческие порывы. «Город мечты» обладает всеми особенностями, которых нет у его антипода, однако, не смотря на это, он тоже живёт лишь непродолжительный период времени, что объясняется зыбкостью критериев оценки идеала у поэта.

В творчестве В. Брюсова присутствуют определённые различия между реальной и идеальной природой, обусловленные своеобразием процессов творения каждого из них.

Так, под «реальной природой» подразумевается природа, созданная без участия лирического героя. С точки зрения поэта она постоянно движется по замкнутой линии (от жизни к смерти), потому у неё отсутствует одухотворённость и способность к эволюции. Такая природа отвергается лирическим героем как несовершенная, что наиболее ярко выражается в стихотворении «Есть что-то позорное в мощи природы…»: «Есть что-то позорное в мощи природы, / Немая вражда к лучам красоты: / Над миром скал проносятся горы, / Но вечен только мир мечты» [Брюсов, 1., С. 112]. Под «немой враждой к лучам красоты» автор подразумевает бесплодное желание реальной природы жить вечно и «соответствовать» канонам прекрасного, что свидетельствует о её слабости, беспомощности. В этой концепции поэт близок к эстетическим взглядам своих предшественников французских символистов, в частности, Э. Рейно, считавшего, что материя не может быть истинным источником творческого вдохновения: «Объективное повествование о чувственно воспринимаемых вещах внеэстетично. Природа поставляет нам лишь эстетически ущербные формы» (Поэзия французского символизма [Сборник] - М.: Издательство МГУ, 1993. - С. 432.

Художник «в тайных мечтах» создаёт «свой мир природы», пересоздав её в соответствии со своими внутренними представлениями. При этом он осуществляет свои планы в противовес божественному творению, приравнивая его к хаосу. В результате рождается «творимая природа», которая изначально одухотворена создателем и поэтому готова к непрерывной эволюции. По мнению поэта, она представляет собой то, о чём «мы бредим во сне», то есть наши «мечты».

Таким образом, К. Бальмонт и В. Брюсов изображают реальный земной мир как совокупность двух составляющих: «города» и «природы». Однако при этом вкладывают в эти понятие разные значения.

К. Бальмонт воспринимает «город» и «природу» как цельные, антиномичные стихии, одна из которых воплощает «истинный, первозданный мир», другая - «ложный, второстепенный», а основанием для такой оценки становится критерий наличия либо отсутствия творческого порыва.

Нечто иное мы видим у В. Брюсова. Он разделяет каждую из выше упомянутых составляющих реального земного мира на два противоборствующих элемента. Тем самым поэт проводит чёткую грань между тем, что было «создано» им самым и появившимся без его участия. В связи с этим в творчестве художника изображаются «земной город» и «земная природа», «идеальный город» и «идеальная природа». Проводя анализ всех четырёх элементов, можно заметить, что описание «земного города» В. Брюсова во многом схоже с трактовкой К. Бальмонтом города как стихии в целом, в то время как изображение «идеальной природы» В. Брюсова также в основных своих чертах близко к восприятию природы К. Бальмонтом.

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НОСИТЕЛЯ ЭЛИТАРНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Куприна С. В.
Поволжский кооперативный институт Российского университета кооперации

В современной лингвистике утвердилось понимание того, что язык-система может существовать только во взаимодействии языковых личностей. Языковая личность – это та идея, которая в настоящее время пронизывает все аспекты изучения языка.

Одной из наиболее существенных характеристик языковой личности является принадлежность человека к той или иной речевой культуре. Обнаруженные существенные различия в уровне владения языком у разных носителей русского языка позволили выделить семь типов внутринациональных речевых культур: 1) элитарная, 2) «среднелитературная», 3) литературно-разговорная, 4) фамильярно-разговорная, 5) просторечная, 6) народно-речевая, 7) профессионально-ограниченная (Гольдин, Сиротинина 1993,1997, Сиротинина 2001: 16 - 28). Эталоном подлинной речевой культуры является элитарная речевая культура, которая встречается крайне редко.

В данной статье мы делаем попытку описать структурно-семантическую организацию публицистического текста носителя элитарной речевой культуры.

Материалом для исследования послужили два публицистических текста, характеризующихся тематической общностью. Это воспоминания ученого-филолога о людях, с которыми он был лично знаком. Первый текст – это устное публичное выступление - воспоминание о Ю.Г. Оксмане; второй текст – это письменный рассказ о С.Ю. Адливанкине «Память о нем не умрет», вошедший в книгу воспоминаний об ученом.

Известно, что тематическая цепочка публицистического текста подчиняется конструктивному принципу сочетания стандарта и экспрессии (Костомаров 1971). В составе цепочки публицистического текста череду-

ются нейтрально-номинативные и оценочно-эмоционально-экспрессивные номинации. Эти особенности нашли отражение в исследованных нами публицистических текстах.

Как в письменном, так и в устном тексте базовой номинацией является полное имя ученого: *С.Ю. Адливанкин, Юлиан Григорьевич Оксман.* И в том, и в другом случае базовая номинация употребляется крайне редко – два-три раза:

С.Ю. Адливанкин *был очень талантливым ученым...*(письменная публицистическая речь – далее ППР);

А Григорий Александрович сказал/ ну/ что же/ скоро к вам приедет/ еще/ или/ как он выразился/ просто настоящий ученый/ гораздо крупнее меня/ ***Юлиан Григорьевич Оксман****//* (устная публицистическая речь – далее УПР).

В качестве замены базовой номинации наиболее часто используются местоимения: *он, его, у него, ему, к нему, с ним* и др.:

Хотя ***он*** *сильно хромал, ходил с палочкой из-за последствий тяжелого ранения... хромота* ***его*** *нисколько не портила; Я знала, что* ***он*** *очень умен* (ППР);

И вот ***в нем*** *чувствовалось/ несмотря на все трудные условия жизни/ та независимость суждений/ которая* ***ему*** *была свойственна/ в тех докладах/ которые* ***он*** *делал/ в тех статьях/ которые* ***он*** *писал//* (УПР).

Рассказчик в обоих текстах часто заменяет базовую номинацию неполным именем, причем выбор номинации происходит с учетом социального статуса и степени официальности отношений. Поскольку автор и С.Ю. Адливанкин были близкими друзьями, людьми приблизительно одного возраста, то допустимо использование номинации *Соля*:

Соля*, как с тех пор я его звала, был курсом младше меня, но, поскольку вскоре женился на моей однокурснице, довольно часто появлялся у нас на курсе; На себя* ***Соля*** *внимания не обращал* (ППР).

Автор учился в аспирантуре в то время, когда Ю.Г. Оксман был уже состоявшимся ученым, поэтому естественно, что в данном случае номинация *Юлиан Григорьевич* заменяет базовую:

...я мало соприкасалась ***с Юлианом Григорьевичем****//;* ***О Юлиане Григорьевиче*** *я узнала еще до его приезда//* (УПР).

Рассказчик в ППР использует и нулевые номинации (15 примеров). Они легко восстанавливаются из контекста, поэтому нет необходимости повторять базовую номинацию:

Он производил впечатление самовлюбленного Нарцисса, и у меня вызывал явно отрицательные эмоции, тем более что постоянно флиртовал со студентками, несмотря на то, что был женат (ППР).

В обеих формах речи автор использует оценочные номинации, которые позволяют дать более точную характеристику, высказать личное отношение к этим ученым. Оценочные номинации делают речь эмоциональной, экспрессивной, образной, что очень важно для публицистического стиля:

Преподаватели звали его ***пижоном****, но считали* ***талантливым литературоведом****... Он буквально пел ему дифирамбы, говорил о том, какой* ***это умнейший и обаятельнейший человек****...*(ППР);

...я хочу сказать/ что вот Юлиан Григорьевич был ***человек во всех отношениях//*** (УПР).

Как видно из приведенных примеров, в составе цепочек публицистических текстов нейтральные номинации чередуются с оценочно-экспрессивными, что соответствует принципам построения публицистического текста.

Помимо основной предметно-логической тематической цепочки, относящейся к предмету разговора, в публицистическом тексте присутствует еще одна тематическая цепочка, связанная с говорящим, автором текста.

В проанализированных нами текстах носителя элитарной речевой культуры всегда выражена личная оценка тех фактов, которые содержатся в рассказе, а также личная причастность к тем событиям, о которых повествуется. Это делает текст эмоциональным, достоверным, интересным для слушателей.

Автор широко использует авторизующие конструкции, эксплицирующие источник и способ получения информации. Но главный источник – своя информация, свое восприятие, свое мнение, поэтому частотны «я»-предложения:

А главное, ***я поняла,*** *что языком он интересуется всерьез;* ***Я доказывала,*** *что сыну нужен отец, его мучило, что жена страдает* (ППР);

Вот ***я была свидетелем*** *этой закулисной битвы//;* ***Я/*** *конечно/* ***всегда помню*** *вот эти встречи с Юлианом Григорьевичем/ но я хочу еще только два вот таких небольших штришка сказать//* (УПР).

Информация публицистического стиля речи должна быть актуальной для говорящего и слушателей. Автор рассказывает о людях, чьи судьбы складывались достаточно сложно, характеризует то время, в которое они жили и трудились, дает оценку своим героям с точки зрения их научной, творческой деятельности и с точки зрения их человеческих качеств, то есть говорит о непреходящих ценностях.

В публицистике оценка предмета речи возводится в принцип создания текста. Эмоционально-оценочная тональность проявляется в отдельных оценочных выражениях, характеризующих героя рассказа, его поступки, состояние и реакцию самого автора. Эти выражения несут в своем лексическом значении сему оценки, то есть прямую оценку. Они делают текст живым, интересным, эмоционально нагруженным. Такие примеры часто встречаются и в устной, и в письменной формах исследованной нами публицистической речи носителя элитарной речевой культуры:

...производил впечатление самовлюбленного Нарцисса...;...обожающие его сокурсницы...; ...изливались друг другу в любви...; ...он разменивался на талантливые, но мелкие статьи, доклады... (ППР);

...слушали с величайшим наслаждением...; ...прекраснейшую лекцию...; ...просто настоящий ученый...; ...по-хорошему завидовали... (УПР).

Оценка обычно сопровождается выражением эмоционального отношения к событиям и лицам. Это оказывает особое воздействие на читателя или слушателя, создает особую субъективную модальность: долженствования, волеизъявления. Особенно ярко это проявляется при оценке ситуаций:

Говорят, что мужчина и женщина дружить не могут. ***Неправда!*** *Между нами была именно дружба, настоящая дружба, не раз проверенная жизнью* (ППР);

Собственно говоря, у него же был запрет на публикации/ значит/ фактически он ничего не может// ***Ничего подобного//;*** *Юлиан Григорьевич/ действительно сломлен не был/* ***никак//*** (УПР).

Как видно из приведенных примеров, данные предложения не столько несут какую-либо информацию, сколько передают настроение, эмоции говорящего, активизируют внимание слушателя и читателя, привлекают его к коммуникативному сотрудничеству.

Не всегда в текстах мы имеем дело с прямой оценкой лиц с помощью оценочной лексики. Иногда рассказчик для оценки использует описательные конструкции, содержащие и прямую, и косвенную оценку передаваемой информации:

Когда он писал кандидатскую диссертацию, мы часами обсуждали её положения, спорили, далеко не всегда убеждали друг друга, но, в основном, его идеи приводили меня в восхищение, так как они были новыми, перспективными и убедительно доказанными (ППР);

И вот в нем чувствовалась/ несмотря на все трудные условия жизни/ та независимость суждений/ которая ему была свойственна/ в тех докладах/ которые он делал/ в тех статьях/ которые он писал// (УПР).

Эмоционально-оценочная тональность проявляется и в раскрытии я-темы. Но автору важно не просто описание своего состояния в определенный момент, а описание своей реакции на поступки и поведение того человека, о котором идет речь:

Он производил впечатление самовлюбленного Нарцисса, ***и у меня вызывал явно отрицательные эмоции...****; Я знала, что* ***он очень умен,*** *но* ***с презрением относится к лингвистическим дисциплинам*** *(а я была убежденным лингвистом),* ***и это тоже отвращало меня*** (ППР);

Я как-то с изумлением от него услышала/ *что он говорит об одной из своих аспиранток/ о том вот/ как у неё в семье/ что он очень боится за крепость семьи/ потому что она не любит своего мужа//* (УПР).

В обеих формах исследованной нами публицистической речи встречаются традиционные средства эмоционально – оценочной тональности. Это вводные слова и предложения, с помощью которых рассказчик выражает свою уверенность или сомнения в сказанном, выдвигает предположения и т. д. Когда речь идёт о бесспорных, не вызывающих сомнения фактах и явлениях, автор использует вводное слово *конечно*:

Советовать ему что-то я, ***конечно****, не могла, но в этот же период сама была влюблена в одного лингвиста, и вот мы часами изливались друг другу в любви к своим предметам мучений и счастья* (ППР);

На этом вечере проводов все очень жалели/ ***конечно/*** *что уезжает от нас Григорий Александрович Гуковский//*(УПР).

Соблюдая правила общения с адресатом, рассказчик стремится избежать излишней категоричности. С этой целью он использует такие вводные, как *кажется, может быть, вероятно:*

Соля все-таки развелся с женой, причем суд, ***вероятно,*** *был потрясен тем, что разводившиеся супруги пришли и ушли «под ручку»...* (ППР);

...но они не все/ ***может быть/*** *знали...; Очень/* ***может быть/*** *маленьких/ но которые для меня вот както/ значимые оказались//* (УПР).

И в письменной, и в устной формах публицистической речи автор стремится достичь наибольшего эффекта в выполнении коммуникативных задач: повысить активность адресата, привлечь его к речевому сотрудничеству, старается создать атмосферу непринужденности, доверительности.

В своей устной речи говорящий апеллирует к предыдущим ораторам:

Но тут вот Евгения Павловна говорила о силе духа//; Вот говорила Евгения Павловна/ что ученый должен быть аскет// (УПР);

использует такой известный прием диалогичности речи, как риторический вопрос:

Мы ждали/ что приедет вот сломленный судьбой человек/ который...// ***Для ученого что самое страшное?****;* (УПР);

вводно – адресованные слова:

Присутствие Юлиана Григорьевича на факультете/ конечно/ играло очень большую роль// Это поднимало всех/ ***понимаете****/ именно всех//* (УПР);

метатекстовые конструкции:

Переубедить его я не могла и, ***честно говоря****, даже побаивалась их встречи в Перми на конференции* (ППР);

Вот вообще/ ***надо сказать****/ что литературоведам лингвисты/ ну вот нашего старого времени/ всегда завидовали//* (УПР).

Естественно, что контактоустанавливающие средства значительно чаще встречаются в устной публичной речи. Устная речь адресована конкретным слушателям, говорящий имеет возможность незамедлительно получить ответную реакцию аудитории. Автор стремится достичь максимальной приемлемости текста для адресата, избежать каких-либо коммуникативных неудач. С этой целью он использует большое количество

вставочных конструкций с функцией уточнения, конкретизации, детализации. Вероятно, вставочные конструкции появляются, когда говорящий боится быть непонятым, стремится избежать недопонимания со стороны аудитории.

Присутствие вставочных предложений и в устной, и в письменной формах публицистической речи можно объяснить профессиональными особенностями автора, который в течение десятилетий читает лекции перед студентами и коллегами, выступает с докладами, и стремление быть понятым слушателями является для него естественным и необходимым. Наличие в письменной речи вставочных предложений мы считаем приметами идиостиля.

*Хотя он сильно хромал, ходил с палкой из-за последствий тяжёлого ранения (**оно сказывалось и много лет после войны**), хромота его нисколько не портила;* (ППР);

*Мы остановились/ и весь час не могли отойти от двери/ **войти мы/ конечно/ не решились посредине лекции/ но уйти не могли/** а слушали с величайшим наслаждением прекраснейшую лекцию/ которую читал Юлиан Григорьевич//* (УПР).

Исследования показали, что публицистический текст отличен от других книжных текстов особенностями развёртывания мысли (Майданова 1987; Мамалыга 1983). Логические связи публицистического текста не обеспечены обязательными языковыми связками (Матвеева 1990, 83). Наши материалы подтверждают данное положение. В исследуемых нами публицистических текстах встречаются лишь отдельные примеры использования логических связок. Появление этих примеров объясняется стремлением говорящего, с одной стороны, последовательно и детально охарактеризовать предмет, а с другой стороны, помочь адресату ориентироваться в предлагаемой информации:

*Я/ конечно/ всегда помню вот эти встречи с Юлианом Григорьевичем/ но я хочу еще только **два/** вот таких **небольших штришка сказать...**; **Один штришок...;** И **второй** очень маленький штришок//* (УПР).

Одним из ведущих способов раскрытия хода мысли автора в публицистическом тексте является последовательность расположения фрагментов в тексте, отражающая логику повествования. Начальные фрагменты публицистического текста выделяются нечасто: позиция начала текста говорит сама за себя (Матвеева 1990). Так, письменный текст начинается следующим образом: *Первый раз я увидела С. Ю. Адливанкина, когда он появился на филфаке Саратовского университета году в 1943 или начале 1944-го, вернувшись с фронта, вернее из госпиталя* (ППР). Далее дается описание внешности, некоторых особенностей характера главного героя, рассказывается о том, как неоднозначно воспринимали его окружающие. Через последовательное повествование рассказчик показывает, как менялось (первоначально резко негативное) отношение к С.Ю. Адливанкину, переросшее в крепкую дружбу. Таким образом, автор стремится представить яркий противоречивый характер, обладающий как многочисленными достоинствами, так и недостатками, интересный читателю.

Устный рассказ имеет несколько иной зачин, поскольку он продолжает разговор, начатый другими преподавателями: *Почему я сказала/ что может быть не сейчас/ потому что в отличие от многих здесь сидящих/ я мало соприкасалась с Юлианом Григорьевичем//* (УПР). Далее же рассказчик (нарушая временную хронологию своего повествования) говорит о единственной лекции Ю.Г. Оксмана, которую он слушал (причем случайно, стоя за дверью) и которую запомнил на всю жизнь. Таким образом, говорящий стремится воздействовать на слушателя, привлечь и удержать его внимание, установить коммуникативный контакт.

Для публицистического текста характерен нестандартный ввод заключительной части, эмоциональное образное заключение. Это подтверждается нашими материалами:

Память о нем не умрет, пока живы люди, которым посчастливилось с ним встретиться, но очень жаль; для языкознания он сделал гораздо меньше, чем мог и должен был. Ничего нельзя откладывать... И больше надо было заботиться о себе, а не только о других (о родителях, сестре, сыне умершей подруги и т.д.) (ППР);

То есть вот/ хотя я мало соприкасалась с Юлианом Григорьевичем/ но я его/ конечно/ всегда помню/ всегда буду помнить/ и сыграл он и в жизни факультета/ и в моей конкретно/ все равно большую роль// (УПР).

Таким образом, проведенный нами анализ показал соответствие созданных носителем элитарной речевой культуры устных и письменных текстов особенностям построения публицистического текста, отсутствие каких-либо иностилевых вкраплений, а также умение автора воздействовать на слушателя, используя эмоционально-оценочную тональность, контактоустанавливающие средства, привлекая адресата к коммуникативному сотрудничеству.

Устная и письменная формы публицистических текстов носителя элитарной речевой культуры не имеют каких-либо существенных различий в аспекте текстовой организации. Вероятно, сказывается многолетняя работа с письменным текстом. Автор демонстрирует мастерское владение словом, умение построить текст по законам жанра.

Список использованной литературы

1. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие //Вопросы стилистики. – Саратов , 1993. – Вып. 25.

2. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1997.

3. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

4. Мамалыга А.И. Структура газетного текста. Киев, 1983.

5. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопостовительный очерк. Свердловск, 1990.

6. Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи// Хорошая речь – Саратов: Из-во Сарат. ун-та, 2001.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ УЧЕБНО-РЕЧЕВЫХ СИТУАЦИЯХ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ И ТЕХНОЛОГИЙ УНИВЕРСИТЕТА ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫМ МОНОЛОГИЧЕСКИМ ВЫСКАЗЫВАНИЯМ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Латыпов Р. А.
Сыктывкарский государственный университет

По мнению С.Л. Рубинштейна [Рубинштейн 1989], в сознании человека в единстве и взаимопроникновении представлены всегда два аспекта - переживание и знание. Переживание является также ключевым понятием в понимании психического состояния. Н.Д. Левитов отмечает: «Всякое психическое состояние является как переживанием, так и деятельностью, имеющей некоторое внешнее выражение» [Левитов 1964: 21]. Состояние понимается как единство переживаний субъекта и его поведения в совокупности с ситуацией жизнедеятельности - основной причиной, вызывающей психическое состояние [Прохоров 1994]. Р.К. Миньяр-Белоручев пишет, что под «ситуацией принято называть отрезок действительности…» [Миньяр-Белоручев 1990: 158].

По мнению В.И. Чиркова [Чирков 1983], единство (взаимодействие) мотивационных, эмоциональных процессов, образующих психическое состояние, связано не с отражением окружающего мира, а с бытием и отражение бытия самого субъекта, а также с отражением его отношения к явлениям действительности, презентация которого в сознании человека осуществляется не виде образов, а в виде переживаний. В основе этих представлений лежит концепция В.Н. Мясищева [Мясищев 1957: 142-154], согласно которой действия и переживания человека определяются не непосредственными внешними воздействиями, но их накопленным обобщением во внутреннем мире, которое представляет собой систему отношений человека, определяющих опосредованный характер его реакций на воздействие окружающего мира и его внешнее инициативное и самостоятельное поведение. Другими словами, переживание - это накопленное обобщение во внутреннем мире субъекта. В работе Б.А. Вяткина и Л.Я. Дорфмана переживание взято в качестве исходной единицы анализа психического состояния и рассматривается как интегратор психики в тот или иной момент времени [Вяткин, Дорфман 1987: 3-6]. Ф.Е. Висилюк [Василюк 1985] считает, что переживание является не отблеском в сознании субъекта тех или иных состояний, не особой формой созерцания, а особой формой деятельности, направленной на восстановление душевного равновесия, на «производство смысла» [там же: 25], обретение осмысленности. Специфика этой деятельности определяется в первую очередь особенностями жизненных ситуаций, названных автором критическими и ставящих субъекта перед необходимостью переживания.

А.Н. Леонтьев указывает, что реальная функция переживаний состоит «лишь в наведении субъекта на их действительный источник, в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий…» [Леонтьев 1975: 57] Отраженная психикой совокупность элементов ситуации (условий, обстоятельств) становится значимой для субъекта, только приобретя для него определенный личностный смысл. Благодаря личностному смыслу в ситуации происходит выделение наиболее значимого фактора, причины, ключевого элемента, влияющих на субъекта, что детерминирует актуализацию определенного состояния.

Отражением личностного смысла в деятельности человека может явиться, например, профессиональная направленность. По-видимому, личностный смысл приводит к внутренне непротиворечивому для личности преобразованию различных аспектов ситуации в единое целое [Прохоров 2005: 39]. Личностный смысл - индивидуализированное отражение действительного отношения личности к определенным объектам, входящим в ситуацию, осознаваемое как «значение-для-меня» [Прохоров 1994].

Лингвистический словарь называет оценкой «суждение говорящего, его отношение - одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п.» [Ахманова 1969: 305].

Но оценка являет собой не просто акт выбора или реакции на ценность, она представляет собой реализацию оценочной составляющей сознания, которое само нужно рассматривать как единство и взаимодействие познавательной и оценочной составляющих [Выжлецов 1996: 39].

Процесс сравнения ряда предметов или явлений может идти и по линии «примеривания» этих свойств к конкретным жизненным потребностям субъекта. Реальным процессом такого соотнесения становится переживание. Это переживание не свойств внешнего объекта, не потребности как таковой, а переживание именно процесса их соотнесения. Переживаемое соотнесение и есть конкретная форма проявления собственно оценочного отношения человека к миру.